

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА

к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года

Юлия НИКОЛЬСКАЯ

Особое место среди культурных учреждений, ведущих подготовку к празднованию 200-летия Победы России в Отечественной войне 1812 года, занимает Государственная публичная историческая библиотека, основным направлением издательской деятельности которой всегда являлась военно-историческая тематика. Книга «Французы в России» посвящена тем эпохальным событиям. Корреспондент «МП» побеседовала с главным научным сотрудником исторического музея-заповедника «Горки Ленинские», кандидатом исторических наук Александром Михайловичем Савиновым - человеком, который проделал поистине титанический труд в ходе работы над двухтомником.

Александр Михайлович, кто непосредственный инициатор создания книги?

Библиотека, конечно же. Изначально эту работу предложили моей жене, так как она, тоже историк по образованию, несколько раньше меня занялась комментированием. Но супруга предложила передать работу мне, поскольку я несколько ближе знаком с данной тематикой. Сама работа над книгой заняла более двух лет, но зато итог превзошел все ожидания.

Александр Михайлович, насколько я знаю, «Французы в России» - это переиздание книги, впервые увидевшей свет в 1912 году. Однако в первоначальном экземпляре и в помине не было комментариев и пояснений, читатель буквально оставался наедине с воспоминаниями предводителей «пораженной стороны». Новая книга - это своего рода справочник, который

будет крайне полезен и узкому специалисту, и простому читателю. Чем уникально переиздание на ваш взгляд?

Книга интересна тем, что тут не печатались воспоминания целиком. Издание построено таким образом, что в рамках одной большой темы находятся еще несколько так называемых подтем. Основной темой может быть, к примеру, наступление французов, разбитая на несколько частей согласно расположению населенных пунктов. И в эти самые подтемы фрагментарно включены воспоминания. Вся книга представляет собой некую мозаику, которая в конечном итоге дает наиболее полную картину произошедших событий.

Наверняка процесс работы над мемуарами имеет ряд особенностей, собственных только этому жанру?

Конечно, мемуары - это достаточно специфический источник информации, а не просто интересное чтение. Сами по себе воспоминания всегда очень своеобразны. Кто-то по забывчивости, а кто-то и сознательно изменяет факты, перекрашивает события с чужих слов. Основными ошибками являются нумерация полков, даты, фамилии, а особенно французам не удавались названия наших населенных пунктов. Один даже Калугу обозвал Куликом. Часто встречались также и погрешности перевода. Приходилось уточнять и данные о температурах. Особенно это видно в третьей части книги, когда описываются события, сопровождающиеся наступлением холодов. Надо пояснить читателям, что французы измеряли температуру по Реомюру, а не по нынешнему Цельсию. А это существенная разница - в 1,2 градуса. То есть основная особенность мемуаров - это субъективность восприятия событий.

История

Французы в России

Расскажите немного подробнее о тех людях, чьи воспоминания вошли в книгу.

Здесь собраны мемуары очень многих известных и интереснейших людей. Можно упомянуть двух маршалов. Например, Лоран де Гувиллон Сен-Сир, который участвовал в боевых действиях в районе Полоцка. Его воспоминания отличаются наибольшей объективностью по сравнению с другими. Или Льеж - тоже очень известная личность. Большинство воспоминаний этих людей довольно часто фрагментарно помещаются в другие издания. Вообще нельзя выделить какого-то одного человека. Каждый из них по-своему очень интересен, каждый является личностью.

Сталкивались ли вы с какими-то сложностями в процессе работы?

Да, сложности были. В мемуарах часто упоминаются офицеры невысоких чинов, особенно в третьей части. О них практически ничего не было известно. Приходилось проделывать колоссальную работу по поиску хоть какой-то информации об этих людях. Чаще всего старания увенчивались успехом, но иногда ничего поделать было нельзя. Встречались лейтенанты или капитаны оставались неизвестными. Если вы посмотрите указатель имен, то сможете увидеть, что некоторые даже без дат жизни - их невозможно сейчас определить.

На какой круг читателей рассчитана книга? Будет ли она интересна обычному, неискушенному подобной литературой читателю?

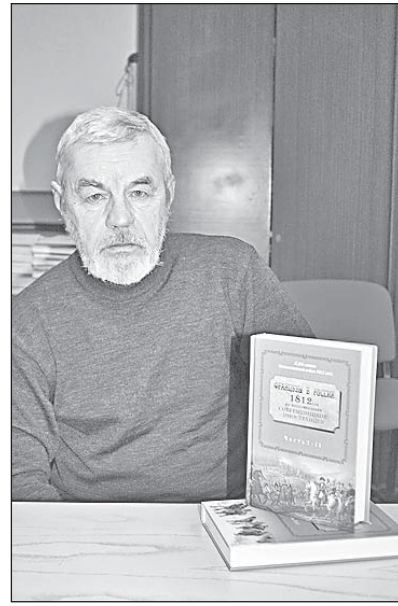
Безусловно. Тем более воспоминания «той стороны» о событиях того времени встречаются не так часто, как воспоминания русских. Я с этого и начал вступительную статью к книге. Мемуары очевидцев Отече-

ственной войны широко известны, но людей всегда интересовало и будет интересно, как события воспринимались противоположной стороной. Воспоминания французов начали появляться в России уже после 1814 года, сначала наши соотечественники вынуждены были знакомиться с ними на языке оригинала, потом уже стали появляться переводы. Но настоящий всплеск произошел в год празднования столетия - в 1912 году.

А чем, по-вашему, воспоминания французов отличаются от наших?

В первую очередь своей субъективностью. Например, описывая они сражение под Салтановкой. Обязательно преувеличивают численность русской армии, приуменьшают свою. Значит, приходится смотреть соответствующую литературу, чтобы узнать точные цифры. Преувеличение связано с крайним честолюбием. Ведь до этого французская армия практически не знала поражений. И главный подвиг русских как раз и заключается в том, что они смогли победить непобедимую доселе армию. Следующее очень важное отличие - вопрос о победе. Так, вопрос о победе в Бородинском сражении до сих пор является дискуссионным. Для русских победить означало задержать противника. На сутки, на двое, хотя бы на несколько часов, как это было при Валутиной Горы. А французы считали, что раз полка боя за ними осталось, значит, они победили.

Особенно интересна третья часть книги, в которой описывается отступление французской армии. Это такой невероятный сплав трагедии, а подчас и подлости человеческой. И с другой стороны - потрясающее человеколюбие.

Вот представьте себе, французы отступают, среди них молодой герцог, парню всего двадцать лет. Деревня сожжена, а ночевать надо. Его кирасиры встали вокруг него и простояли так целую ночь. Два автора, совершенно незнакомые между собой, рассказывают историю, как один француз нашел в развалинах русскую женщину, только что разрешившуюся от бремени, и долгое время кормил ее, ухаживал за ней. Одним словом, не дал ей пропасть. И вопиющей жестокости было много, вплоть до того, что стоило человеку отступить и упасть, с него тут же снимали одежду - все, она ему больше не нужна.

Александр Михайлович, хотелось бы услышать ваше мнение, как празднование 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года должно отразиться в сознании современных россиян.

Оно, конечно, должно способствовать патриотическому воспитанию, как это было в 1912-м, и спустя еще пятьдесят лет в 1962-м, когда вышел фильм «Гусарская баллада» и тема Отечественной войны вызвала неподдельный интерес и гордость за свою страну.

Партизаны

Еремей Четвертаков — рядовой и «генерал»

Отечественная война 1812 года выдвинула немало феноменальных героев и создала условия для их удивительных превращений: придворные генералы и фельдмаршальские адъютанты становились партизанскими предводителями, бывший офицер французской и австрийской армий, затем сановный генерал в России командует армейскими и крестьянскими партизанскими отрядами, а бывший крепостной, рядовой солдат создает крестьянское боевое соединение «генеральского масштаба» и почти всю войну контролирует большой прифронтовой районом.

Николай МАТРОНОВ

Одним из таких замечательных и самоотверженных патриотов был Еремей Васильевич Четвертаков, родившийся в 1781 году в деревне Нефедовка Черниговской губернии. Выходец из семьи крепостных крестьян, он стал солдатом, участвовал в войне с Францией в 1805 - 1807 гг., а к началу кампании 1812 года был рядовым драгунского кавалерийского полка, входившего в арьергард русской армии под командованием генерала Коновницына. 31 августа эскадрон, в котором служил Еремей Четвертаков, вырвался из окружения в районе села Царево Займище, находившегося по пути к Москве. В тяжелом бою лошадь Еремея была убита, придавила всадника, и его взяли в плен, отправив затем в лагерь под Гжатском. Уже на четвертый день при помощи одного из караульных, славянина-далматинца, отважный солдат бежал, однако пробиться к своим было сложно, ведь снова были французские патрули. Наконец от Смоленской дороги лесными тропами выбрался к деревне Задково, где оккупантов не оказалось. Но оказалось немало крестьян, готовых к сопротивлению врагу, вступившему на русскую землю, грабившему и опустошавшему деревни, разрушавшему церкви, рода.

Отпор интервентам становился сильнее и ожесточеннее по мере продвижения наполеоновской армии в глубь страны и приближения к столице. От пассивных форм (отказ отдавать хлеб врагу, уход из деревень с неубранной урожаем, увод скота) крестьяне переходили к активным, вооруженным формам борьбы, создавая многочисленные партизанские отряды и соединения. Такой отряд удалось сформировать Еремею Четвертакову. Он начинал он с обучения, организации «партизанской школы» - ведь крестьяне не умели как следует стрелять, ездить верхом, не знали простейших команд, не говоря о многих воинских приемах и хитростях. Кроме того, надо было вооружиться, а взять оружие следовало у неприятеля. В первый рейд командир отобрал 50 лучших партизан, вооруженных пиками, сработанными сельским кузнецом, устроили засаду и положили 12 кирасир, забрав трофейное оружие и лошадей. Затем начались регулярные нападения на вражеских фуражиров - эта «продовольственная война» была для французской страшной явью, они теряли солдат в деревнях и на подступах к ним больше, чем на полях сражений. Характерно, что в ходе переговоров наполеоновского генерала, бывшего посла в Петербурге Лористона с Кутузовым, состоявшихся в Тарутинском лагере 23 сентября, француз утверждал, что «война ведется не по правилам», крестьяне устраивают засады и нападают на малые группы, и просил «неслыханные такие поступки унять». Кутузов же говорил, что не может переменить образ мыслей в народе, который эту войну почитает как нашествие татар, а французскую армию «ожидают еще большие несчастия со стороны народа».

А к Четвертаку, как в народе прозвали партизанского вожжа, все прибывало пополнение из окрестных деревень. К октябрю 1812 года численность отряда достигла около 4 тысяч человек. Это было даже больше, чем в армейских отрядах, которыми командовали полковники и генералы. Ну,

а «крестьянский генерал» проявил недюжинные организаторские способности и тактическую смекалку: он сразу разделил свое соединение на две части, одна из которых несла дозорную службу на границе партизанского района, оккупировавшего Гжатский и Сычевский уезды, уничтожала приближавшиеся мелкие группы фуражиров и мародеров. Другая часть стала «летучим отрядом», совершавшим рейды по тылам в окрестностях Гжатска и в направлении к Медыни. Одной из его успешных операций был разгром в конце октября батальона пехоты с двумя пушками, кроме того, были захвачены обозы, большое стадо скота.

К сожалению, в источниках, которые удалось просмотреть, нет сведений о взаимодействии армейских партизанских отрядов с крестьянскими отрядами Четвертакова, хотя, как известно, подобная взаимная поддержка была обычным явлением. Историк Д. Е. Червяков справедливо, на наш взгляд, отмечал, что «историю партизанского движения регулярных отрядов русской армии нельзя рассматривать изолированно от действий крестьянских партизанских отрядов и народных ополчений». А мне, откровенно говоря, приходится в голову неакадемичного свойства мысли: а что трудней и выше - быть генералом армейского партизанского отряда с обученными, прошедшими огонь и воду солдатами и офицерами, с малолетства знающими о долге, присяге, служении царю и Отечеству, или успешно руководить многотысячным вооруженным соединением крепостных крестьян, не изучавших военного дела, погруженных в рутину тяжелого сельскохозяйственного труда, не размышляющих о патриотизме, гражданском обществе и соответствующих свободах? Сложно на это ответить, вспоминается фраза о том, что «гражданский подвиг выше подвига воинского». Но иногда эти два подвига соединяются...

Практически основная часть Гжатского уезда оказалась свободна от оккупантов, управление на территории осуществляли партизаны, которым было благодарно все население. Когда армия Наполеона бежала из Москвы и стала отступать на запад, Еремей Четвертаков с полком на службу распустил свой отряд, а сам отправился догонять армию. Он был принят в Киевский драгунский полк, произведен в унтер-офицеры, но до поры до времени никто не знал, что он герой партизанской войны. Только в 1813 году, после того, как сами крестьяне-партизаны обратились к властям с просьбой отметить заслуги «спасителя Гжатского уезда», о его подвигах узнало армейское начальство. Приказом главнокомандующего Барклая-де-Толли Е. Четвертаков был награжден знаком Отличия Военного Ордена - Георгиевским крестом. Известно, что он участвовал в сражениях Заграничного похода 1813 - 1814 гг. Но жизнеописание этого незаурядного воина, талантливого командира и патриота, к сожалению, остается неполным, неизвестна даже дата его смерти и место, где он похоронен. Из посмертных знаков его славы и доблести можно назвать одну из памятных досок, установленных на Бородинском мосту в Москве - среди вставленных армейских и крестьянских партизанских организаторов и руководителей есть имя Еремея Васильевича Четвертакова.

Выставка

Яркая увертюра к юбилею

Берта БУХАРИНА

Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства представил выставочный проект, посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года. Выставка «Два императора» - яркая увертюра в ряду юбилейных исторических событий 2012 года, объявленного Годом российской истории.

Такая выставка стала возможна благодаря частной коллекции А. Н. Вихрова и интересным экспонатам из фондов Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. За более чем три десятилетия коллекционер Александр Вихров собрал крупную коллекцию уникальных экспонатов и щедро поделился с москвичами и гостями столицы, представив свое собрание в зале музея. У каждой витрины - десятки людей. Каждый экспонат притягивает внимание, потому что это незабываемое прошлое России. И те двести лет, что прошли со времен Отечественной войны 1812 года, ничуть не отделяют прошлое от настоящего и будущего. Наоборот, они показывают, как крепка и незыблительна связь времен. Именно об этом говорил посетителям музея, пришедшим сюда в воскресный день, коллекционер Александр Вихров. Он выступил в роли экскурсовода, и каждый представленный им экспонат заиграл всеми гранями.

На выставке представлено огромное количество предметов и произведений искусства французского, итальянского, германского и российского происхождения, которые были созданы с начала XVIII века и до наших дней. Чего здесь только нет! Живопись, графика, медали, монеты, статуэтки из слоновой кости, бронзы, фарфора, тарелки с изображением наиболее ярких моментов жизни двух императоров - Наполеона I и Александра I, табакерки и портсигары, декорированные портретами в миниатюре, изделия из фарфора и стекла...

Вот орден Почетного легиона времен первой империи на оригинальной ленте.

Он выпущен во Франции в 1804 году. А рядом - уникальная почтовая открытка - Наполеон в Тильзите жалует орден Почетного легиона солдату русской армии.

Медали, связанные с Отечественной войной 1812 года, представлены очень широко. Это награжденная медаль «В память Отечественной войны 1812 года» из бронзы; серебряная медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 года»; серебряная кавалерийская медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814 года»; бронзовая медаль «В память кончины Александра I»; бронзовая медаль «В честь 100-летия Отечественной войны 1812 года»; памятная медаль «В честь установления Тильзитского мира с портретами Александра I, Наполеона и Фридриха III»; французская серебряная медаль «Наполеон - император...». А рядом с медалями в витрине представлены монеты и наперсный крест.

Среди живописных работ стоит отметить картины, на которых запечатлены такие важные события, как переправа через Неман, отступление Наполеона из России, въезд союзных войск в Париж, встреча Александра I и Наполеона в Эрфурте и, конечно, сражения русских с французами при Бородине, Малоярославле, под Красным, под Вязьмой... Именно эпохальные события войны и мира связывали двух великих императоров. Аустерлиц, Тильзит, Бородино, вступление французов в Москву, битва народов под Лейпцигом, наконец, взятие Парижа - каждое из этих событий нашло отражение в европейском искусстве.

Благодаря музею и коллекционеру Александру Вихрову мы можем увидеть на выставке модель Вандомской колонны со статуей Наполеона в Париже, табакерку с портретом Александра I, печать со статуэткой Наполеона, медальон «Освобождение Москвы», подарочную коробку с изображением Наполеона, карманные часы с портретами Наполеона и его маршалов, колокольчик с ручкой в виде фигуры Наполеона, чернильницу в виде гробницы Наполеона, портсигар с портретом Наполеона на острове Святой Елены. Каждый из

этих предметов - уникален, они единственные в своем роде.

Очень много на выставке декоративных тарелок, бокалов, чашек с изображениями императоров, их приближенных, со сценами важных исторических событий. Например, на фарфоровой тарелке изображен Военный совет в Филях; на чашке и блюдце - портреты Наполеона и его жены Жозефины; встреч Наполеона с прусской королевой Луизой; встреч Александра I и Наполеона по поводу Тильзитского мира; Наполеон с семьей; Наполеон под Москвой; въезд Наполеона в Москву; Наполеон в горящей Москве; бегство французов из России; отступление французской армии...

Из фарфора и стекла есть прямо-таки редкие экземпляры. Например, изумительный бокал с вензелем Александра I, столка с барельефом Александра I и Наполеона и с фамилиями российских полководцев, отличившихся во время войны, и, конечно же, стеклянный бокал, выпущенный в России в 1820 году, на котором такая надпись: «Ликуй, Москва, в Париже - Росс!»

Из вещей мемориального характера стоит отметить письма русского офицера, датированные 1815 годом; французскую офицерскую шляпу; походный нож из сервиза Наполеона; письма Наполеона к Жозефине во время итальянской кампании и письма Жозефины к Наполеону и дочери, грамоту о присвоении очередного звания лейтенанту с автографом Бонапарта (Париж, 1797 г.).

Выставка во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства не случайно названа «Два императора». Именно такой необычный ракурс у этой «увертюры» - отношения Александра I и Наполеона. И дружба, и вражда их были соотнесены с парадоксами. Миротворный русский император был инициатором всех своих войн с Францией, а воинственный император французов неустанно добивался союза с Россией. «Александр! Мы любили друг друга...» - сорвалось однажды с уст пленника острова Святой Елены.

Свидетельства

Переговоры о мире

Наполеон не решался атаковать нас. Он полагал иным способом выйти из затруднения, которое более и более отягощало в его армии по недостатку провианта и, особенно, фуража.

Приехал в Тарутино Лористон с предложением о мире. Кутузов приехал наперед в ту избу, в которой назначено было принять его. Лористон прибыл в сумерках в крытых дрожках. Кавалергардского полка поручик Михаил Орлов сопровождал его. Мы в первый раз увидели Кутузова в мундире и шляпе.

С улицы видны нам были сквозь окна освещенной избы сидевшие у стола друг перед другом Лористон и Кутузов. Последний делал большие движения руками; полгать должно, говорил горячо. Мне потому казались несправедливыми прошедшие в главной квартире слухи, что Кутузов, по своей хитрости, обманывал Лористона вероятностью принятия со стороны государя мирных предложений. Напротив того, когда Кутузов приехал вторично в Тарутино перед сражением с Мюратом, то, входя в избу, где он принимал Лористона, сказал: «Вот здесь я говорил Лористону, что мы никогда не согласимся на мир».

Александр ЩЕРБИНИН.

Перед войной

Еще с половины 1811 г. стали поговаривать в Москве о разрыве мира, который заключен был в 1807 г. с французами в Тильзите. Однако ничего не было приметно, и все оставалось спокойно. Напротив, еще в «С. Петербургских...» и «Московских ведомостях» величались Наполеона великим, и хотя из многих листов видел, что что-нибудь да есть, а движение войск наших, которые отовсюду стремились к западным границам, делали догадки вероятными. В конце же 1811 г. явную уже бурю, что с французами будет война, и война жестокая. Однако ж 1812 год начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничем возмущена не была. Масленку провели очень весело, не подозревая никаких опасностей, и не думали даже об них.

А. Д. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН.

ГЕРОИ ПОБЕДЫ

И это все о нем

Герой войны 1812 года генерал от инфантерии Арсений Закревский был натурой крайне противоречивой: с одной стороны, человек невероятной храбрости - кавалер всех высших российских орденов, до ордена Св. Апостола Андрея Первозванного включительно, причем заслуженных не в канцелярских коридорах, а с другой - безграмотный деспот и хам, заслуживший у москвичей прозвище Чурбан-паша. Окружающих удивляет, что дворянин и полный генерал, близкий ко двору, к министерству и штабам, прошедший всю Европу, не знает ни одного иностранного языка. Для того времени и тех кругов это - дикость. Да и по-русски Закревский писал с ошибками. По свидетельству современников, грозный генерал, перед которым все трепетали, боялся только одного - собственной красавицы жены, Аграфены Толстой, которая изменяла ему с прислугой, была его туфель по голове и кидалась столовыми приборами.

Без страха и упрека

Он родился в селе Берниково Зубовского уезда Тверской губернии 13 (24) сентября 1783 года, в семье мелкопоместного дворянина, поручика в отставке Андрея Ивановича Закревского. С 1795-го воспитывался в Гродненском (Шкловском) кадетском корпусе, из которого в 1802 году выпущен прапорщиком в Архангелогородский мушкетерский полк (командир - генерал-майор граф Н. М. Камен-

ский). Участвовал в войнах с Францией 1805 - 1807 гг.; отличился в сражении при Аустерлице (ноябрь 1805), во время боя спас Н. М. Каменского от плена (предложил ему свою лошадь вместо убитой). Сближение с Н. М. Каменским положило начало карьере Закревского, который и в дальнейшем постоянно пользовался покровительством известного военачальника. Произведенный в 1806-м в поручики, назначен полковым, а в апреле 1807-го бригадным адъютантом; уча-

ствовал в сражении с французами под Прейшиш-Эйлау и Данцигом. В 1808-м в качестве адъютанта сопровождал Н. М. Каменского на русско-шведскую войну; отличился в ряде сражений, получил чин капитана, орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотую шапку с надписью «За храбрость».

После назначения Н. М. Каменского главнокомандующим русскими войсками в Молдавии, с марта 1810-го - начальник его канцелярии; отличился при взятии Шумлы (июль 1810), штурме Рущука (июль 1810) и в сражении при Ватине (август 1810), получил контузию в ногу и руку, пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени и чином майора. Перед смертью (май 1811) Н. М. Каменский направил Закревского с личным письмом к императору Александру I; он был милостиво принят императором и в декабре 1811-го назначен адъютантом к военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли с зачислением в лейб-гвардию Преображенский полк подполковником. Весной 1812 года произведен в полковники и назначен директором Особой канцелярии военного министра (фактически руководителем военной разведки). Во время Отечественной войны 1812-го находился в действующей армии, отличился в сражении под Витебском, Смоленском. На Бородинском поле адъютантами М. Б. Барклаю-де-Толли Закревский и Сеславин спасли от плена своего генерала: под командованием 1-й армии взорвалось ядро, кнутовищем Барклай упал на землю, группа французов бросилась пленить прославленного генерала, адъютанты сдерживали их натиск, пока не подоспели гусары. Храбрость и исполнительность Закревского постоянно отмечались М. Б.

«Чухонский граф»

В августе 1821-го произведен в генерал-лейтенанты. Пользовался покровительством Александра I. Однако у Закревского сложились крайне натянутые отношения с В. П. Кочубеем, Е. Ф. Канкриним, А. И. Чернышевым, Д. Н. Блудовым, И. И. Дибичем, А. Х. Бенкендорфом и особенно с А. А. Аракчеевым, которого Закревский открыто называл «вреднейшим человеком в России». Под влиянием Аркачеева Закревский был удален из Санкт-Петербурга с назначением в августе 1823-го Финляндским генерал-губернатором и командиром Отдельного Финляндского корпуса. После вступления на престол императора Николая I, в июне 1826-го, назначен членом Верховного уголовного суда над декабристами. В июне 1826 года назначение принимает, взяв под козырек. Однако в работе суда не участвует, умело уклоняется. Только подписывает итоговую «сентенцию» (приговор). Тем не менее в декабре 1826 г. Закревский назначен сенатором, членом Государственного совета.

С апреля 1828 г. Закрев-

ский - министр внутренних дел. Полиция милитаризуется, вводится воинская дисциплина, улучшается денежное содержание всех чинов; рапорты с мест, принимаемые 3-м отделением, свидетельствуют, что полиция служить стала ревностнее, в некоторых случаях отмечено почти полное прекращение вымогательства взятки полицейскими чинами. Следуют поощрения: в 1829-м Закревский произведен в полные генералы (от инфантерии), в 1830-м возведен в графское дворянство - правда, не российский, а Великого княжества Финляндского. Кстати, впервые Закревский посетил эту страну в 1808 году, пройдя в армии Барклаю-де-Толли по льду Ботнического залива.

Это пример политического кода-жеста тех времен, который надобно было уметь истолковать. Военные заслуги велики - происхождение мелководья. Назначение в судьи принял - судьей себя не проявил. Соответственно и графство даруется «региональное», с намеком. Ушлая общность, понимающая намеки, немедленно титулет Закревского «чухонским графом».

Осенью 1830 г. Закревского «бросают на холеру», то есть на организацию мероприятий по борьбе с холерной эпидемией, надвигающейся в центр России с юго-востока. Здесь его военно-административные методы оказываются неэффективными. Организация принудительных карантинных вызовов у населения ужас. Оттуда спасаются кто как может. В итоге холера весной 1831 г. добирается до Москвы и Санкт-Петербурга, а в октябре Закревский уходит в отставку.

НРАВЫ

Попойка в Кремле

В Кремле, этой крепости-дворце, на каждом шагу были расставлены часовые гренатеры. Они были закутаны в русские шубы, перевязанные кашмирскими шарфами. Возле них стояли хрустальные чашечки с вареным и самыми изысканными фруктами, а в банках торчали большие деревянные ложки. Рядом с банками стояли многочисленные флажки и бутылки, которым, чтобы легче с ними справиться, отбивали горлышки.

На некоторых солдатах вместо медвежьих шапок были надеты русские. Солдаты все казались пьяными. Оружие свое они сняли и, по-видимому, караулили при помощи своих больших деревянных ложек.

Стойте, - сказали они мне при входе, - надо положить караульному офицеру. Не слушая этой шутки, я хотел продолжать свой путь, но они с оружием и посудой в руках загорделись мне дорогу, и я, полусмеясь, полусердито должен был подчиниться этой излишней требовательности, вызванной возмущением Бахуса. Они повели меня к так называемому караульному офицеру, которого изборождал самый старый солдат отряда. Он поместился под сводом, защищающим его от ветра. Перед ним был разложен из досок хороший костер, а одет он был еще причудливее. С важным видом захмелевшего человека он держал военный совет с бутылками и с банками варенья.

Товарищ, - сказал он, - здесь нельзя пройти, не выпив стаканчика по приказу китайского императора.

И тотчас, взяв левой рукой бутылку вина, а правой большую ложку варенья, сказал, указывая на бутылку: - За ваше здоровье, товарищ, но пить нужно до дна.

Тут он взял другую бутылку, и, чокнувшись самым любезным образом, мы опустошили их, не переводя духа.

Это не все, - сказал он мне, - вот варенье, приготовленное любовью подругой китайского императора, вам надо его отведать.

Я сделал это очень охотно и думал, что тут и конец, когда выяслась вторая бутылка прельстившего бордо, и после этого мы стали думать о расставании.

Прощайте, товарищ, прощайте, - твердил он, - до свидания и не забывайте друзей китайского императора.

Я отправился и слышал, как все, бывшее в карауле, повторяли в один голос: «Прощайте, капитан, хороший малый - он прекрасно осушает бутылки с вином».

ДЕ МАЛЬИ-НЕЛЬ.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Письмо Кутузова

Росточину
Фили, 1 сентября
Милостивый государь мой, граф Федор Васильевич!
Неприятель, отделив колонны свои на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее местоположение принуждая меня с горечью Москву оставить. Армия идет на Рязанскую дорогу. К сему покорно прошу ваше сиятельство прислать мне с сим же адъютантом моим Мотрозовом сколько можно более полицейских офицеров, которые могли бы армией провести через разные дороги на Рязанскую дорогу.
Князь ГОЛИЦЕВ-КУТУЗОВ.

Немезида

Когда фельдмаршал Кутузов вступил победителем после бегства французов в Вильну, к нему явился директор тамошнего польского театра с просьбой о разрешении сыграть пьесу в ознаменование этого дня. Кутузов не дал своего согласия, а потребовал, чтобы на сцене была поставлена та самая пьеса, которая была дана в день вступления в город французских войск, переполненная зычными намеками на русских и низкой лезью Наполеону.

Вечером Кутузов приехал со всем своим штабом в театр. При каждом прозвучании Наполеона, так странно режущем слух после его бегства, Кутузов аллодировал актерам, и все прочие слушатели следовали его примеру. Никогда еще аллодисты не отзывались так мучительно в сердцах актеров, как в этот вечер на сцене вилеского театра.

Попытка провалилась

В Витебске Наполеон поручил двоим из близких к себе людей выведать настроение в народе. Надо было привлечь их свободой. Но действовать пришлось только среди отдельных, почти диких крестьян, оставленных русскими среди нас, может быть, в качестве шпионов.

Граф В. П. СЕГУР.

ДАВНЫМ-ДАВНО...

Последний солдат
«великой армии»

Шел к концу богатый событиями XIX век. Где-то в глубинах времени остались события, открывавшие столетие, и эпоха наполеоновских войн, почти 20 лет сотрясавших Европу, казалась такой же древностью, как Крестовые походы или Война Алой и Белой розы. И никто во Франции не знал, что где-то в глубине необъятной России, всего 6 лет не дотянув до нового, XX века, доживал свои долгие годы удивительный «обломок истории» - последний солдат армии Наполеона.

В 1893 году в волжский город Саратов приехал военный историк К. А. Военский, изучавший эпоху наполеоновских войн. Один из его местных корреспондентов уверял, что в Саратове доживает свой долгий век француз, попавший в плен еще в 1812 году!

Историк разыскал маленький домик на улице Грошевой, где действительно проживал «отставной поручик французской службы Николай Андреевич Савин». Его встретил небольшого роста старичок в старомодном спортуке с красной ленточкой в петлице. Вопреки опасениям Военского, Н. Савин, несмотря на весьма почтенный возраст (ему было 125 лет) сохранял бодрость, здравый ум и память. Он с гордостью отметил, что главная причина его бодрого состояния - отсутствие с детства привычки к излишествам и постоянный труд, и процитировал Горация: «Еще мальчиком многое перенес и трудился. Потел и мерз, воздерживался от страстей и вина». В скромном домике царил культ Наполеона, висели портреты императора, в том числе акварель, написанная самим хозяином. Показывая ее, Н. Савин говорил: «Этому человеку я посвятив лучшие годы моей жизни, и память его для меня священна». Он рассказал русскому историку удивительную историю собственной жизни.

Николай Савин родился в Руане 17 апреля 1768 года. Его отец Андре Савин служил в королевской гвардии Людовика XVI, позже - в дворцовом ведомстве. Воспитывался Николая в Туре, у дяди матери, затем учился в иезуитской коллегии этого города. В сентябре 1792 года юноша приехал в Париж, но родных уже не застал в живых: отец погиб во время штурма дворца Тюильри 10 августа 1792 года, мать бесследно исчезла. Два года Николая прожил в семье знакомых отца, постоянно опасаясь ареста, как сын роялиста, а затем вернулся к брату в Руан.

В 1798 году Н. Савин вступает в армию, его кавалерийский полк посылают в Египет. Гусарским офицером участвует во всех крупнейших битвах того времени - при Аустерлице, Иене и других. В 1809 году он оказывается в Испании, при осаде Сарагосы ранен и награжден орденом Почетного легиона. А затем

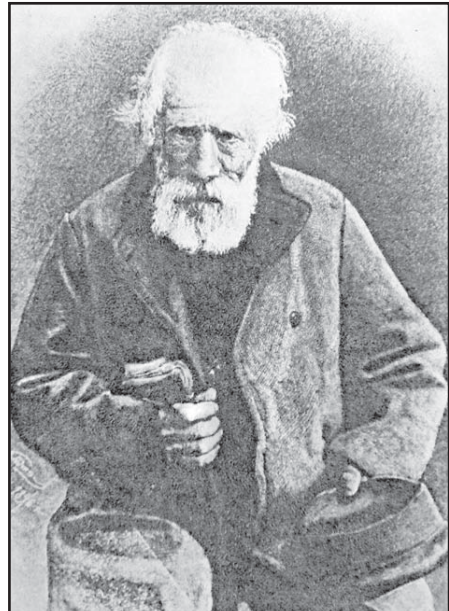
попадает в плен к испанским партизанам. Он и еще десять французских пленников содержались в помещении инквизиционного трибунала Севильи. Орудия пыток, находившиеся там, они использовали для поджога. После побега французы целый месяц скитались по горам, питаясь травами и плодами. Только трое, и среди них Савин, сумели добраться до своих войск.

Летом 1812 года неугомонный вояка, лейтенант 2-го гусарского полка Н. Савин в составе корпуса маршала Нея отправился в злосчастный русский поход. При отступлении из Москвы в битве у села Красного Смоленской губернии корпус Нея был уничтожен почти целиком. Савин, под которым было убито несколько лошадей, чудом остался жив. Рассказывая о труднейшем отступлении, старик со слезами на глазах вспоминал главного хирурга армии барона де Ларре, чья забота спасла ему жизнь, как и многим другим солдатам. Последняя для Савина схватка произошла на реке Березине. По приказу маршала Нея он с несколькими солдатами охранял уцелевшие повозки с казной главного штаба. Мост, на котором «смашились в кучу кони, люди», рухнул под их тяжестью. Савин был сбит с коня, но каким-то образом сумел вернуться на берег, где попал в руки казаков атамана Платова.

О содержании военнопленных наполеоновской армии в России следует сказать подробнее. Русское командование в духе международных правил ведения войны сумело позаботиться о более чем 150 тысячах пленников солдат и офицеров. Уже 7 сентября 1812 года император Александр I издал высочайшее распоряжение (рескрипт) на имя генерала П. Х. Витгенштейна о «наивозможно лучше содержании пленных», исполнение которого возлагалось на местные власти.

Конечно, положение военнопленных в разоренной войной стране было достаточно тяжелым: плен - не туристиче-ская прогулка. Однако знаменательно само гуманное отношение российских властей и населения к вчерашним врагам. Рязанский помещик граф Д. Н. Толстой, бывший во время войны ребенком, позже вспоминал: «Скоро вместо наших войск стали показываться партии пленников. Одна из них расположилась в нашем уезде. Помещики наши разобрали пленных. Отец мой взял леutenant поручика Р. Я помню этого полунатого, покрытого лохмотьями француза, которого отец одел с ног до головы и принял в семействе как друга. Я помню, как отец внулал нам, детям, беспощадную вражду к врагам Отечества, когда он встречается с оружием, и христианскую любовь к человеку, которого война поставила вне возможности вредить нам. В этом заключается та высокая философия, истекающая из гуманно-религиозного начала, которым

проникнута Россия; и им сочувствовал наш добрый, умный народ. Между тем партии пленных проходили мимо нас все чаще и многочисленнее; отец кормил их на нашем дворе... Крестьяне, и наши, и окрестные, смотрели на это без всякого чувства злобы, и, сочувствуя их бедствиям, оправдывали их тем, что они люди подневольные: «Не сами пришли, Бонапарт привел...» Позже невольная часть военнопленных приняла русское подданство и навсегда осталась в России. В том числе и герой нашего рассказа.

В плену Н. Савин находился сначала в Ярославле, а затем в Саратове, зарабатывая себе на жизнь уроками фехтования для офицеров местного гарнизона. Затем ему удалось сдать экзамен на право преподавать французский язык. Потеряв во Франции всех родственников, Н. Савин решил навсегда остаться в России. Три поколения саратовских дворян учились у него французскому языку. В 1874 году в возрасте 106 лет он удалился на покой, купил на свои сбережения маленький домик, где жил вместе со своей дочерью, занимаясь рисованием и своим маленьким огородом.

После сообщения К. А. Военского в газете «Новое время» о последнем воине армии Наполеона, прожившем в России 82 года, Н. Савин стал объектом большого внимания. В это время складывался франко-русский военный союз, который его участники стремились подкрепить пропагандистскими действиями. Французское правительство наградило Н. Савина медалью «Св. Елены», которой удостоивались ветераны армии Наполеона. О нем много писала русская пресса. Французская колония Петербурга издала о нем брошюру.

Поручик 2-го гусарского полка армии императора Франции Наполеона Н. Савин скончался в Саратове 29 ноября 1894 года в возрасте 126 лет, 7 месяцев и 12 дней.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимке: прижитый портрет последнего воина армии Наполеона, нашего второго родину в России.

ИСТОРИЯ ЭКСПОНАТА

Разбойник и антихрист

Юлия НИКОЛЬСКАЯ

Собрание антинаполеоновской литературы, хранящееся в фонде редкой книги музея-панорамы «Бородинская битва», позволяет проследить, как русская официальная печать формировала отношение к императору французскому. Здесь и брошюры 1806 - 1807 годов, целью которых было стремление вызвать антипатию и ненависть к Наполеону. И подобные издания 1812 - 1814 годов, в которых содержатся неистовые ругательства против «всемирного завоевателя». Они представлены шире.

Одним из самых ранних таких изданий в нашей коллекции является стихотворение писателя и библиографа В. Г. Анастасевича «Аттила девятнадцатого века», - демонстрирует тоненькую брошюру руководителя фонда Надежда Юрьевна Шведова. - Она была напечатана в Петербурге в Императорской типографии в 1812 году вскоре после ухода русских из Москвы. На последней странице цензура: «Печатать дозволяется. Цензор Коллежский Советник и Кавалер Гр. Яценков. Сентября 6 дня 1812 года».

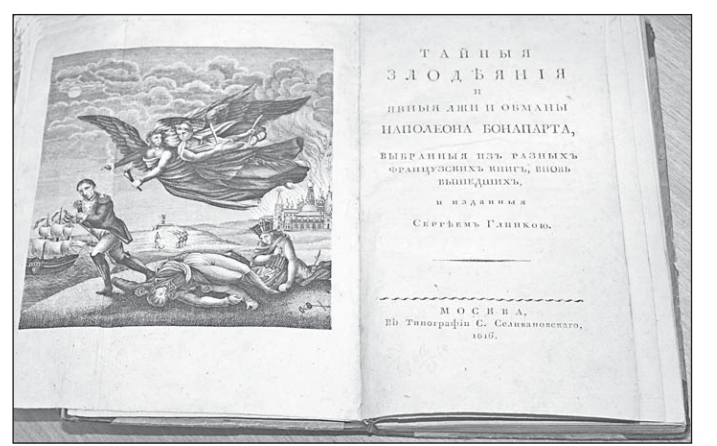
Известны еще два экземпляра этого издания в Российской национальной библиотеке и библиотеке Академии наук. «Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом», помеченная цензурой «1812 года Октября 15 дня», в тот же год была издана в Петербурге на французском, английском, немецком и других языках.

Поистине очень красноречивы названия изданий того времени: «Бич Франции или коварная и вероломная система правления нынешнего повелителя француз...», «Генеральный смотр советии Наполеона с присовокуплением стихов под названием: Посрамленный завоеватель света или неистовый корсиканец в своем унижении», «Дух Наполеона Бонапарт или жизнь и ужасные деяния его...».

Самый острый и популяр-

ный памфлет «Русские и Наполеон Бонапарт» был издан анонимно в Москве дважды, в 1813 (два издания) и 1814 годах. Второе издание 1814 года отличается от первого гравированным титульным листом с раскрашенной выцветкой - орел треплет петуха - и раскрашенной гравюрой с видом пожара Москвы и надписью «Огонь сей будет в роды родов осеять лютость Наполеона и Славу России».

Автором этого памфлета является московский почт-директор, сенатор А. Я. Булгаков. Он был в дружеских отношениях с Ф. Росточинским и вел у него в это время дипломатическую переписку по секретной части. Булгаков сочинял памфлеты и «бюллетени», которые были очень популярны и расходились еще в рукописях.

По сведениям М. А. Дмитриева, книга приписывается Ф. В. Росточину, однако это слог, по заключению специалистов, не похож на слог Росточина.

«В 1815 году вышло очень много заказных брошюр, - рассказала нам Надежда Юрьевна, - среди них есть хвалебные песни, оды, в которых так или иначе хвалили Наполеона. Но эта тема постепенно сошла на нет. Лишь Сергей Глинка остался верен себе и в 1816 году выпустил книгу «Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта, вымышленные из разных французских книг, вновь вышедших...»

О размахе антинаполеоновской литературы ярко писал один мемуарист: «Тут же была библиотека тетушки, оставленная ее родителем. Заглянув не припомню, но хорошо запечатлелось в памяти их содержание, потому что мне давали их читать. Дело в том, что сколько раз я ни принимался за них,

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Руководитель проекта - Александр Егорович

Шеф-редактор - Михаил Воstryшев

Выпускающий редактор - Арнольд Сидоров

Макет - Оксана Мерзликина

Верстка - Корректура - Иллюстрации -

Марина Курова

Ирина Кутина

Александр Акулинин

Телефон для связи 8(499)259-10-15

e-mail egorunin@mospravda.ru

Распространяется бесплатно.